

фотографа ноги кормят

Игорь Мухин на фотофестивале

ИГОРЬ ЧУВИЛИН

Газета. - 2005. - 21 марта. - с. 33

На фестивале «Мода и стиль в фотографии», проходящем в Москве, открылось сразу три экспозиции Игоря Мухина. Сорокатрехлетний фотограф — один лучших современных российских светописцев. К моде и стилю работы Игоря Мухина имеют мало отношения. Хотя, несомненно, он модный и, определенно, имеющий собственный стиль фотограф. При современном смещении жанров можно было бы сказать — художник.

Мухина часто записывают в соц-арт, в основном за серии фотографий, сделанные во время перестройки и в начале 1990-х. Уходящая «фактура» и новая жизнь, происходящая на ее фоне, нашли в его лице документалиста-романтика. Социальную составляющую и сейчас можно извлечь из его снимков, но на том же основании он может быть отнесен к гильдии репортажных фотографов. И даже с большим основанием — при взгляде на карточки Мухина вспоминается именно советская школа репортажной фотографии, увенчанная многими «стильными» шедеврами. Немного демагогической базы — и перед нами концептуальный проект. Когда Игорь Мухин начнет вывешивать пространственные объяснения около своих работ, пропадет главное их качество: в них уже все сказано, даже больше.

На нынешнем фестивале Мухин представил три серии фотографий. Первой открылась выставка «Путешествие» в Фотоцентре Союза журналистов; одновременно в этом же зале повесили серию «Фотографируя скульптуры...» Марко Делогу. Мрамор древних статуй и живые лица наших современников — на одной стене, на другой — ноги Игоря Мухина,

снятые им самим. «Путешествие», таким образом, предстает в одной из самых приятных своих фаз: отдыха в горизонтальном положении. Протянув натруженные конечности, фотограф, который, кажется, сросся с камерой, глядит на открывающийся вид. Все происходит в гостиничных номерах: вот мухинские ноги в Екатеринбурге, вот — в Таганроге, Новосибирске, Вене, Берлине, Денвере, Стоун-Тауне... Естественным образом в объектив попадает часть интерьера. В Дмитровграде в телевизоре — Мона Лиза. В Риме — снова она. В одной из российских провинциальных гостиниц — живописно обшарпанные стены и трехпрограммный радиоприемник. Лишь на одном снимке нет мухинских конечностей, ни голых, ни в ботинках, ни в носках, ни в старых кроссовках. Смятая постель и плеер на ней — где-то в Московской области.

Смысл лежит на поверхности, как усталые ноги на гостиничной кровати. Откровений светотени также не стоит ждать, но, конечно, есть интересные кадры: надо думать, фотограф выжал максимум из казенных интерьеров. Снималась эта серия на протяжении более чем десяти лет. Своего рода

Проекты Игоря Мухина можно назвать вдумчивыми репортажами. Даже когда он снимает собственные ноги (фото из проекта «Путешествие»)

затянувшийся репортаж или туристическая фотография «на память», только некого было попросить нажать кнопку. К тому же ноги — они ведь не умеют говорить «cheese», строить рожи, смущаться, выделяться. Они честны и бесстрашны. Мои ноги — это я без рефлексии, по крайней мере обозначение «я тут был».

Через полтора часа Мухина уже можно было видеть на другом объекте, который называется «проект «Фабрика»». Здесь среди десятка экспозиций показывают две серии его снимков, опять-та-

ки репортажного характера: «Московские вернисажи» и «Заклеенный город». Портреты богемной московской публики, снятой на выставках современного искусства, вывешены как гигантские постеры. Эти цветные фотографии, по правде сказать, могли бы принадлежать кому угодно, удачей Мухина их не назовешь. Но рядом выставлена серия фотографий, словно продолжающих предыдущие опыты автора. «Заклеенный город» — черно-белые фото московских и питерских улиц с привычной бахромой бумажных объявлений

на всех доступных поверхностях. На небольших карточках можно прочитать: «Работа», «Подработка», «Сдаю комнату. Можно мужчине». Но вся эта чешуйчатая бумажная масса оказывается лишь повторяющимся мотивом: вокруг происходящим мотивом: вокруг светотеневое выражение, а это как раз главное. Из грязи, мутных стекол на автобусных остановках, согнутых старушечьих спин и тележек, груженных какой-то чепухой, рождается лирическое повествование, очень человеческое и простое — в «стиле» Игоря Мухина.